

О церковной проповѣди наканунѣ революціи¹⁾.

Милостивые Государи!

Наука, представителемъ которой я предъ Вами являюсь, Гомилетика занимаетъ въ системѣ академическихъ научныхъ дисциплинъ исключительное, положеніе... Она стоитъ на той грани, гдѣ научная теорія самымъ непосредственнымъ и неразрывнымъ образомъ сплетается съ живой жизнью, съ живымъ реальнымъ творчествомъ жизни. Вѣдь эта наука изучаетъ и опредѣляетъ существо, законы и условія правильного и наиболѣе плодотворнаго дѣйствія того великаго, первостепеннаго и постояннаго фактора всякой жизни—какъ личной, такъ и общественной и государственной, который именуется *словомъ*. Каждый новый изгибъ жизни, каждый новый ея фазисъ самымъ непосредственнымъ и глубокимъ образомъ отзывается на ея построеніяхъ и на ея, такъ сказать, самочувствіи: вѣдь, каждый такой жизненный изгибъ и фазисъ ставитъ дѣятельность *слова* въ *новыя условія* и тѣмъ самымъ намѣчаетъ предъ нимъ новыя задачи и раскрываетъ или отгѣняетъ новыя стороны его природы и законовъ его дѣйствія. Не уловить во время новыхъ условій каждаго даннаго наличнаго момента, не понять его новыхъ задачъ, не опредѣлить и не выяснить тѣхъ сторонъ въ природѣ *слова*, которыя ими выдвигаются къ дѣйствію на первый планъ—это значитъ для науки Гомилетики—пропустить чередной шагъ въ своемъ развитіи, и благодаря этому отстать здѣсь отъ развитія той силы, которую она изучаетъ и дѣйствіями которой должна руководить—*слова*. Это значило бы

¹⁾ Вступительная лекція по кафедрѣ Гомилетики въ Московской духовной Академіи въ сентябрѣ 1915 года.

для Гомилетики—терять свою цѣнность одновременно и въ теоретическомъ и жизненно-практическомъ отношеніяхъ.

Вотъ почему Гомилетика, преимущественно предъ другими академическими дисциплинами, обязана быть столь же чутка ко всѣмъ тревоженіямъ живой, текущей жизни, сколько и къ интересамъ объективно-научнаго изысканія истины, задачамъ научной теоріи: научной теоріей она освѣщаетъ и направляетъ жизнь и изученіемъ жизни исправляетъ и обогащаетъ научную теорію; каждый новый историческій моментъ, возлагая на слово—новыя *неотложныя* практическія задачи, тѣмъ самымъ возлагаетъ на науку о словѣ *неотложную* задачу ихъ опредѣленія и выясненія съ точки зрѣнія природныхъ законовъ дѣйствія этого первостепеннаго жизненнаго фактора.

Моментъ, который мы сейчасъ переживаемъ,—моментъ исключительнаго значенія. Въ безпримѣрно-грандіозной кровавой борьбѣ европейскихъ народовъ, подъ громъ чудовищщущекъ, среди смертоносныхъ облаковъ удушливыхъ газовъ, среди морей человѣческой крови, жертвою милліоновъ человѣческихъ жизней происходитъ грандіозная ломка стараго строя жизни европейскихъ народовъ и нашей родины и зарожденіе новаго. Великая европейская война, это какъ бы грандіозная наковальня, разрушающая старое и съ неумолимой принудительностью выковывающая „новое“.

Какой это будетъ „новый“ строй въ своихъ конкретныхъ очертаніяхъ—мы пока еще не знаемъ. Мы стоимъ предъ страшнымъ, по своей неизвѣстности и широтѣ всякихъ возможностей, будущимъ. Но мы ясно видимъ тѣ силы, которыя теряютъ свое господственное значеніе, равно какъ и тѣ новыя, которыя выступаютъ на аренѣ русской народной жизни на смѣну старымъ.

Самое важное, съ точки зрѣнія интересовъ проповѣдническаго слова, явленіе настоящаго момента, это то, что *падаетъ окончательно сила традиціи*, безсознательнаго или полубезсознательнаго слѣдованія ей. Широкія волны образованія давно уже подорвали эту силу въ высшихъ классахъ общества т. н. интеллигенціи. Непосредственное соприкосновеніе съ этими высшими общественными классами и особыя условія отчаянной борьбы за существованіе внѣ роднаго насиженнаго мѣста, внѣ крѣпкой и спокойной почвы родной семьи

и родного дома, произвели тотъ же подрывъ силы традиціи въ рабочемъ классѣ большихъ городовъ, фабрикъ и заводовъ и вообще различныхъ промышленныхъ предпріятій.

Здѣсь если и сохранила силу традиція, то постольку, поскольку она поддерживалась принудительной силой государственной власти.

Одна только громадная крестьянская масса въ большинствѣ жила и почти всецѣло и въ общемъ добровольно опредѣлялась и въ своемъ міровоззрѣніи и въ своей жизнедѣятельности принципомъ традиціи.

И Вы, навѣрное, знаете, какія условія создались для пастырскаго служенія вообще и проповѣдническаго въ частности. Образовалась громадная пропасть между интеллигенціей и служителями проповѣдническаго слова. Раздался громкій и открытый голосъ интеллигенціи къ русскому пастырству: „мы васъ не понимаемъ“, „не понимаемъ смысла той церковной обрядности, которой вы насъ окружаете, не понимаемъ вашего слова, цѣнности вашихъ рѣчей, которыя вы къ намъ обращаете съ церковныхъ кафедръ“. И одновременно съ этимъ и жизненный бытъ интеллигенціи болѣе чѣмъ на половину, открыто или же безъ особаго шума, освободилъ себя отъ формъ церковной обрядности и церковной дисциплины, а отъ проповѣдей нашихъ она стала бѣжать, какъ отъ чего то ей чуждаго, бесполезнаго и даже, болѣе того, претящаго душѣ. Правда, нѣкоторая доля церковной обрядности въ жизни интеллигенціи еще сохраняется—интеллигенція время отъ времени говѣетъ и причащается, принимаетъ хоть разъ въ годъ на домъ святыни, крестится и вѣнчается въ храмахъ; но не нужно закрывать глаза: большинство въ сущности дѣлаетъ это главнымъ образомъ потому, что этого требуетъ прямо или молчаливо государственная власть.

Совершенно иное представляетъ, до послѣднихъ годовъ, крестьянская масса. Для дѣятельности представителей пастырства и проповѣдническаго слова эта среда не представляла особыхъ затрудненій. Эта среда безъ колебаній и сомнѣній признавала принципиально авторитетъ Церкви, церковнаго обряда и церковнаго слова, потому только, что такъ существовало у ихъ отцевъ и дѣдовъ, потому что такова была вѣковая традиція, къ которой неполучившая образо-

ванія и самозамкнутая въ себѣ деревенская масса не имѣла ни внутреннѣхъ ни внѣшнихъ толчковъ отнестись сознательно и критически. Проповѣдническое слово чувствовало себя здѣсь легко и свободно. Самымъ непосредственнымъ образомъ оно всегда упиралось здѣсь на самое безспорное въ сознаниі слушателей: авторитетъ предковъ („такъ вѣровали отцы и дѣды, такъ вѣруютъ всѣ“) и авторитетъ пастыря-проповѣдника какъ носителя авторитета Церкви („Св. Церковь учитъ“, „Св. Церковь установила“, „св. Отцы говорятъ“, „я, какъ пастырь Церкви, утверждаю, требую, заявляю“); въ то же время превосходство образованія проповѣдника надъ слушателями дѣлало въ ихъ глазахъ каждое его слово, отражающее хоть сколько-нибудь запасъ школьнаго образованія, достойнымъ вниманія.

Создавшееся положеніе вещей большинствомъ служителей проповѣдническаго слова было разрѣшено такимъ образомъ, что интеллигенцію, какъ „невѣрующую“, молчаливо рѣшено было предоставить самой себѣ, а считать собственнымъ объектомъ пастырской дѣятельности и проповѣдническаго слова простой народъ, послушно внимающій голосу пастырства. И этотъ взглядъ такъ глубоко укоренился, что понятія „проповѣдывать“ и „говорить для простого народа“ стали среди служителей слова тождественными.

Но настоящій страшный историческій моментъ знаменуетъ рѣшительный сдвигъ и „простого народа“ съ той позиціи покорнаго слѣдованія традиціи и традиціонному авторитету, въ средѣ которой привыкли и предпочитаютъ дѣйствовать служители проповѣдническаго слова.

Сдвигъ этотъ собственно начался уже давно, прежде всего благодаря общенію деревни съ вышедшимъ изъ нея рабочимъ классомъ, представители котораго, навѣщая время отъ времени родныя деревни, вносили въ нее зародыши своего критическаго отношенія къ традиціоннымъ началамъ и формамъ жизни. Затѣмъ громадное значеніе оказали экономическія условія, рѣзко измѣнившіяся въ послѣднее время и заставившія крестьянина во многихъ отношеніяхъ искать новыхъ формъ быта, отказываясь отъ традиціонныхъ. Какъ на характерное явленіе въ этомъ отношеніи, именно въ области религіозной, укажу на слѣдующій фактъ. Вы знаете, что въ современной деревнѣ начинаютъ свободно нарушать

посты. Еще лѣтъ двадцать назадъ осмѣлившійся ѣсть скромное постомъ подвергся бы публичному презрѣнію всей деревни, а теперь совсѣмъ нѣтъ, почему? Рѣшительное значеніе здѣсь оказало вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ. Вѣдь въ старину постомъ крестьянинъ обычно переходилъ на картошку, огурцы, даже селедку. Все это тогда было или свое или вполнѣ доступно по цѣнѣ крестьянскому карману; теперь же всѣ эти продукты такъ вздорожали, что въ постный день крестьянинъ уже вовсе не знаетъ, чѣмъ себя напитать, и естественно начинаетъ задумываться надъ вопросомъ о степени обязательности поста при наличныхъ условіяхъ. Японская война сдѣлала весьма многое въ смыслѣ измѣненія экономическихъ условій. Но она же оказала важныя послѣдствія и въ другихъ отношеніяхъ. Она пробудила интересъ къ общественной жизни и сдѣлала почти непремѣнною принадлежностью каждой деревни—газету. Разумѣется газета за 10-ти лѣтній періодъ сильно измѣнила идейный багажъ и міровоззрѣніе крестьянина въ сторону сознательно-критическаго вниманія къ окружающему.

Современная великая война произвела подобное же, но въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Желѣзною рукою она сдвинула съ насиженныхъ, чуждыхъ широкихъ общественныхъ интересовъ, мѣсть большую часть крестьянскаго мужскаго населенія и приобщила самымъ непосредственнымъ жизненнымъ образомъ (священною необходимостью проливать кровь и жертвовать собственной жизнью) къ широкимъ общественно-государственнымъ интересамъ.

Если въ японскую войну затронута была лишь часть деревни, то теперь, можно прямо сказать, затронута и пробуждена *вся* деревня сильнѣйшими толчками со всѣхъ сторонъ, толчками, на которые нельзя не отозваться самымъ живымъ образомъ, потому-что дѣло идетъ о жизни и смерти какъ личной, такъ и общественно-государственной. Жертвуя жизнью за родину, русскій крестьянинъ тѣмъ самымъ невольно и незамѣтно для себя проникался сознаніемъ собственной творческой роли въ дѣлѣ строенія жизни общественной и тенденціей взвѣшивать сравнительную цѣнность тѣхъ и другихъ формъ жизни, тенденціей критическаго отношенія къ дѣйствительности. На его глазахъ подъ грознымъ натискомъ войны ясно обнаруживается несостоятель-

ность цѣлаго ряда ранѣе безспорно для него авторитетныхъ формъ жизни экономическаго и общественнаго характера. Газету онъ теперь уже не можетъ не читать, потому что все, что въ ней пишется, имѣетъ самое прямое отношеніе къ его собственной жизни, къ судьбѣ своихъ самыхъ близкихъ людей, начиная отъ отца, мужа, брата, къ условіямъ настоящаго и грядущаго дня: подумайте, какой глубокой переворотъ долженъ произойти отъ этого постояннаго питанія знаніями, мыслями и настроеніями, критическимъ міросозерцаніемъ руководящихъ газетной прессой интеллигентныхъ классовъ общества.

Прибавьте сюда всеобщую трезвость, пробудившую деревню отъ пьянаго угара и давшую ей тѣмъ досугъ и духовныя силы крѣпко-пытливо задумываться надъ окружающимъ... Едва ли послѣ этого можно сомнѣваться, что бессознательному или полусознательному показному слѣдованію традиціи и традиціонному авторитету пришелъ конецъ и въ средѣ крестьянства и что здѣсь принимаютъ господство начала того же міросозерцанія,—которое характеризуетъ „невѣрующую“ интеллигенцію. Вспомните, что уже въ 1905—6 годахъ во многихъ мѣстахъ крестьянская масса открыто проявила свое отрицательное отношеніе къ духовенству и даже вообще къ церковной обрядности. И въ текущемъ году въ однѣхъ изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей было отмѣчено: „въ глубинѣ народныхъ массъ глухо раздается недовольство нами, закипаетъ гнѣвъ и другія враждебныя чувства, и Богъ знаетъ, что мы получимъ, если не измѣнимся къ лучшему“.

Положеніе создается для пастырства и служителей проповѣдническаго слова трагическое. Мы отвернулись отъ интеллигенціи, а теперь и простой народъ отвертывается отъ насъ и примыкаетъ къ интеллигенціи... Что жъ: отвернемся ли и отъ простаго народа? Но вѣдь это значитъ пастырямъ остаться вовсе безъ паствы. Кого же будемъ пасти? Кому будемъ говорить, кому проповѣдывать?

Что же дѣлать — спросите. Мнѣ кажется отвѣтъ ясенъ: если мы оказались говорящими такъ, что насъ одинаково отказывается понимать *вся* паства, то значитъ вина не въ ней, а въ насъ, значитъ наше слово отстало отъ жизни нашей паствы, значитъ мы должны сдѣлать рѣшительный шагъ

впередъ на равненіе съ жизнью и заговорить такъ, чтобы насъ понимала вся паства—отъ интеллигенціи и до простого народа.

Можно ли это сдѣлать? — Духовная лѣность и косность подсказываютъ отвѣтъ отрицательный: это значить, будто бы, сдѣлать уступку „невѣрію“. Такъ привыкли думать, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи интеллигенціи.

Я думаю, что въ такомъ рѣшеніи вопроса опаснѣйшее для Церкви заблужденіе.

Разберемся по совѣсти.

Интеллигенція оставила позицію послушанія авторитету традиціи,—и насъ перестали понимать. Почему? Потому что мы то сами со своимъ словомъ предпочли остаться въ старой, отверженной уже обществомъ, позиціи и отказались перемѣститься для сохраненія господства на занятую обществомъ новую...

Но развѣ наша вѣра, развѣ христіанство только и можетъ опираться на авторитетъ традиціи? Развѣ авторитетомъ традиціи основана Церковь, развѣ авторитетомъ традиціи апостолы покорили языческій міръ къ подножію Креста? Авторитетъ традиціи, вѣдь это—внѣшній авторитетъ, и какъ таковой онъ отнюдь не можетъ быть настоящей основой чего-либо прочнаго и тѣмъ менѣе вѣковѣчнаго. Внѣшній авторитетъ можетъ существовать лишь какъ плодъ и вмѣстѣ внѣшній символъ *авторитета внутренняго*. Если падаетъ авторитетъ внѣшній, это очевидный знакъ паденія того, единственно прочнаго и истиннаго, авторитета внутренняго, плодомъ и символомъ котораго онъ является. Правда, очень часто авторитетъ внѣшній на нѣкоторое время переживаетъ паденіе выражаемаго имъ авторитета внутренняго, но онъ живетъ тогда уже только какъ пустой символъ безъ реального содержанія: поддерживаетъ себя какими-либо чуждыми, посторонними принудительными силами; остается въ сущности почти только имя старое, а дѣйствуетъ уже сила другого авторитета.

Авторитетъ традиціи палъ, но въ этомъ нѣтъ ничего страшнаго. Это только естественный шагъ какъ въ личномъ, такъ и въ народномъ сознаніи. И отдѣльный человѣкъ и народъ, развиваясь, отъ послушанія внѣшняго, по традиціи, идетъ къ послушанію внутреннему по сознательному убѣж-

денію въ разумности, жизненной цѣнности и нравственной высотѣ того, что принимается. Разумъ, жизненный опытъ и нравственное сознание—вотъ три внутреннихъ авторитета, которые развитіемъ человѣческой личности приходятъ на смѣну авторитетамъ внѣшнимъ и крѣпче которыхъ нѣтъ и не будетъ, ибо только они никогда не могутъ быть изжиты. Къ этимъ авторитетамъ перешла наша интеллигенція, къ нимъ переходитъ нашъ народъ: и, ясное дѣло, на нихъ мы теперь должны обосновывать въ нашемъ словѣ нашу вѣру, если хотимъ, чтобы она была принята, чтобы наше слово понимали и за нимъ шли.

Старая, схоластическая гомилетика, которую вы изучали въ семинаріяхъ, глубоко внѣдрила въ сознание схоластическую антитезу: говорить „отъ разума“ и говорить „отъ Писанія“. Разумъ здѣсь противопоставляется Свящ. Писанію какъ особый и самостоятельный источникъ паравнѣ съ Писаніемъ, только должествующій имѣть примѣненіе несравненно меньшее, чѣмъ Писаніе. Для Писанія, по этому взгляду, должна быть отведена большая часть проповѣди, а для разума собая — меньшая. Говорить отъ Св. Писанія это значить, по утвердившейся теоріи, доказывать, что та или другая мысль заключается въ Свящ. Писаніи, доказывать цѣлымъ рядомъ текстовъ Писанія въ точной буквальной передачѣ ихъ по славянскому тексту или же въ пересказѣ. Въ этомъ полагается главная суть проповѣди и, чѣмъ болѣе приведено текстовъ, тѣмъ проповѣдь считается болѣе отвѣчающей своей задачѣ. Какой же спрашивается задачѣ? Предполагается, что если докажешь, что та или другая мысль находится въ Писаніи, то въ силу непререкаемаго авторитета Писанія, самое сознание этого авторитета самымъ рѣшительнымъ образомъ побудитъ слушателей къ принятію этой мысли. Какъ видите, здѣсь все надежды возложены на самодовлѣющую принудительную силу внѣшняго авторитета — книги Свящ. Писанія.

Въ дѣйствительности надежды эти могутъ имѣть болѣе или менѣе широкое осуществленіе только на той ступени развитія человѣческой личности, когда она, относясь ко всему полусознательно, самоопредѣляется силою авторитета. Но и здѣсь осуществленіе проповѣдническихъ надеждъ на силу авторитета—можетъ быть только частичное, очень не

полное, не глубокое, ненадежное. Подчиняясь истинѣ какъ внѣшнему авторитету, человѣкъ принимаетъ ее въ сущности подневольно, какъ рабъ непонятную для него волю господина; его личному сознанію эта истина по существу является чуждой; и его воля, не опредѣляемая *сознаніемъ* истины, при первой удобной возможности пытается уклониться отъ пути, указываемаго этой истиной. Такъ для нашихъ предковъ XV—XVII столѣтій авторитетъ Св. Писанія былъ силой, противъ которой не смѣлъ прямо прекословить ихъ разумъ и воля, и все, о чемъ доказывалось, что это требуется Писаніемъ, принималось ими безпрекословно; но, не прекословя, онѣ ни сколько не были по вѣрѣ и жизни истинными и надежными христіанами. Стоило только Петру Великому отворить окно въ Европу, стоило только столкнуться съ иными, новыми началами и формами жизни, а старымъ формамъ, стоявшимъ подъ авторитетомъ Евангелія, потерять поддержку со стороны правительственной власти, какъ „безпрекословные“ стали сразу „прекословны“, если не словомъ—то жизнью, всему тому, что считали для себя обязательнымъ во имя авторитета Писанія: строгіе хранители постовъ спокойно ихъ бросили соблюдать, исправные посѣтители богослуженій направили свои стопы вмѣсто храмовъ въ мѣста увеселеній—ассамблей, балы и театральныя зрѣлища. То же обязательно происходитъ и съ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ и равно съ народными массами, если при столкновеніи съ новыми культурными вѣяніями, въ моментъ пробужденія критической мысли, сознательно критическаго взгляда на все, ихъ христіанственность держится только на традиціи и внѣшнемъ послушаніи Писанію и Церкви, какъ внѣшнимъ авторитетамъ. Вотъ это самое и происходитъ въ настоящее время съ нашимъ такъ называемымъ „простымъ народомъ“. А мы ему, какъ и интеллигенціи, говоримъ по старому, какъ будто ничего не произошло, совершенно не желая считаться съ тѣмъ, что почва для сѣянія слова уже совершенно другая,—все по старому всѣ усилія слова сводимъ къ тому, чтобы рядомъ текстовъ возвести истину къ внѣшнему авторитету буквы Писанія или Святоотеческихъ твореній, авторитету уже не имѣющему у слушателей безусловно покоряющей силы. Дѣлать это не значить ли „въ ступѣ воду толочь?“ И можно ли тогда обижаться, если отъ такого рода нашихъ проповѣдей

интеллигенція и рабочій классъ бѣгутъ опрометью какъ отъ чего то бесполезнаго?

Для улучшенія этого весьма грустнаго положенія проповѣди не оказываютъ и не могутъ оказать даже никакого положительнаго результата тѣ „доказательства отъ разума“, которыя современный проповѣдникъ считаетъ нужнымъ сдѣлать въ качествѣ привѣска къ главной части своей проповѣди. Во первыхъ, совершенно странно и недопустимо, чтобы наряду со Свящ. Писаніемъ самостоятельнымъ хотя бы и второстепеннымъ источникомъ содержанія проповѣди былъ еще другой, чисто человѣческой разумъ; во-вторыхъ, эта малая дань разуму уже количественно слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ совершенно безцѣнной въ глазахъ слушателей бѣльшею частью проповѣди. Наконецъ, въ-третьихъ, и это особенно важно, и качественно этотъ привѣсокъ по большей части весьма невысокаго, а частью и вовсе возмутительно-ничтожнаго достоинства. Дѣло въ слѣдующемъ. Во всѣхъ другихъ публичныхъ случаяхъ, кромѣ проповѣди, у насъ принято стыдиться говорить о томъ, что или вовсе не знаешь, или слишкомъ мало знаешь, принято стыдиться выступать съ наивно-дѣтскими воззрѣніями и утвержденіями. Но въ отношеніи проповѣди почему то этого стыдиться вовсе не принято; наоборотъ, молчаливо утвердился взглядъ, что все это какъ разъ наиболѣе соответствуетъ природѣ проповѣди. Сказать вмѣсто проповѣди нѣчто возмутительно безсодержательное у насъ не считалось грѣхомъ: хорошо,—молъ, что хоть не молчалъ. Когда затрогиваются интересы и явленія соціального, экономическаго, политическаго характера, то вовсе не считаютъ себя обязанными хоть сколько-нибудь познакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ этихъ вопросовъ, и, не стѣняясь, высказываютъ настолько дѣтски-наивные взгляды и сужденія, что заинтересованному человѣку, для котораго прежде всего такая проповѣдь и нужна, просто стыдно и досадно становится слушать: вѣдь это же дитя говоритъ и для дѣтей, тогда какъ его окружаютъ взрослые. И съ затаеннымъ крикомъ обиды: „мы не дѣти“ — наши слушатели бѣгутъ отъ насъ, отъ нашихъ проповѣдническихъ кафедръ къ инымъ глашатаямъ, которые, по крайней мѣрѣ, будутъ говорить съ ними, какъ взрослыми. Напрасно внутреннюю безсодержа-

тельность пытаются прикрыть внѣшнимъ блескомъ: изяществомъ построения. Это только усугубляетъ въ слушатель чувство обиды: хорошо, когда строятъ красиво дома, годные для жилья, но что сказать объ архитекторѣ, который для людей, нуждающихся въ пріютѣ, будетъ строить красивые дома изъ совершенно негодныхъ матеріаловъ и вовсе непригодные для жилья? Если онъ будетъ строить, хотя и красивые, но картонные домики? Хороши изящныя сабли и красивыя крѣпости, но о ужасъ, если сабли и крѣпости деревянные! Во время мира все это можетъ сходить безнаказанно, но когда возгорается война, это грозитъ гибелью и защищаемому великому дѣлу и самимъ строителямъ. И какъ странно видѣть взрослога съ серьезнымъ видомъ размахивающаго деревяннымъ дѣтскимъ оружіемъ, такъ точно глубочайше обидно и нестерпимо видѣть служителей слова, мечтающихъ удержать въ послушаніи сознательно-критически настроенное общество красивыми по внѣшности, но дѣтски-наивными безсодержательными словесными построениями.

Проповѣдь должна быть *вся* „отъ разума“ и вмѣстѣ *вся* „отъ Писанія“, потому что она есть плодъ „разумѣнія Писанія“. Глубина *разумѣнія* прежде всего опредѣляетъ собою и степень совершенства проповѣди. *Повтореніе* Писанія не есть проповѣдь. Прочестъ вслухъ цѣлый отдѣлъ изъ Писанія или длинный рядъ мѣстъ изъ него—совсѣмъ не значить проповѣдывать. Проповѣдь есть „*разумѣніе*“ Писанія, а не *повтореніе*—не чтеніе его. Но это разумѣніе должно быть разумѣніемъ *современнаго разума* cadaго даннаго момента — тѣми силами и средствами, которыми обогатился разумъ къ данному моменту; потому что проповѣдь существуетъ для живой жизни, для живого *наличнаго* человѣка, для жизни *личной* эпохи и *наличнаго* момента. Личный разумъ, стоящій въ своемъ развитіи позади разума *общественнаго*, не можетъ быть руководителемъ общества и въ дѣлѣхъ религіознаго разумѣнія, какъ и вообще въ жизни общественной. И такъ раскрыть и обосновать содержаніе и высочайшую жизненную цѣнность истинъ Свящ. Писанія на языкѣ и всѣми средствами и приемами *современнаго разума* интеллигенціи и народныхъ массъ—вотъ задача проповѣди, отъ которой мы доселѣ лѣниво убѣгали, за которую мы теперь неотложно должны взяться. Отнынѣ отнюдь не должно быть проповѣдей, исходящихъ изъ

соображенія: народъ нашъ не развитъ, мало что знаетъ; онъ удовлетворится всѣмъ, что бы я, образованный человѣкъ, ни сказалъ ему. Отнынѣ въ каждомъ проповѣдникѣ отнюдь не должны отождествляться понятія народнаго и дѣтски-наивнаго, между тѣмъ такого рода отождествленіе, къ сожалѣнію, пытается утвердиться даже здѣсь въ стѣнахъ Академіи. Не разъ, когда мнѣ подавались для зачета проповѣди совершенно безсодержательныя и я выражалъ автору полнѣйшее недоумѣніе по поводу этого, мнѣ приходилось получать упорно-увѣренныя въ своей правотѣ отвѣты: „я писалъ для простого народа“. Для простого народа, видите-ли, считается позволительнымъ преподносить самыя безсодержательныя произведенія.

Повѣрьте же, что время дѣтски-наивной вѣры, слѣпого довѣрія авторитету прошло и для простого народа, какъ давно прошло для интеллигенціи. Наступаетъ для Руси грезный моментъ для грандіозной переоцѣнки всѣхъ авторитетовъ и всѣхъ цѣнностей съ точки зрѣнія началъ разума, многовѣкового историческаго опыта и нравственнаго сознанія. И „блаженъ“ служитель проповѣдническаго слова, котораго моментъ „обрящетъ бдяща“, „недостойнъ же паки, его же обрящетъ унывающа!“

В. Виноградовъ.